

И ВОТ Я УМЕР ОТ ЛЮБВИ
В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ.
ОБИДНО, ЧТО НИ ГОВОРИ,
ДА ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО.

ЛЕЖУ, КАК ВОДИТСЯ, ОДИН
В ГРОБУ БЕРЕЗОВОМ.
И МОЙ КОСТЮМЧИК - ГАБАРДИН! -
УСЫПАН РОЗАМИ.

ВОКРУГ СОСЕДИ И РОДНЯ -
ВСЕ ПЛАЧУТ, БЛЕДНЫЕ...
О ТОМ, ЧТО УМЕР ОТ ЛЮБВИ,
НЕ ЗНАЮ, БЕДНЫЕ...

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
СЛЕДУЕТ**

Владимир Дубков

18+

Владимир Дубков

Продолжение следует

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73168278

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему я этот раздел включаю в сборник собственных произведений?

Потому что хочу продолжения. Мы смертны. И поэтому инстинктивно стремимся к продолжению. Дети и внуки – наше продолжение. Наша попытка физически задержаться в этом мире. Я прикасаюсь к Манечке, к Инночке, я целую их. И ухожу. А моё прикосновение, мои поцелуи... они будут жить с ними дальше.

Но ещё дальше, ещё дольше, ещё ощутимей будут жить слова! Каким-то непостижимым образом мои слова любви и восхищения к Олечке, к Ирочке, к Инночке, к Манечке трансформировались в их собственные слова любви и восхищения к жизни, к миру, к людям, к Богу. И вот это уже будет жить вечно, потому что будет передаваться дальше, к неизвестным мне, но таким родным и близким людям, потому что на них будет отсвет моего прикосновения, моего благословения Словом.

Я люблю вас, будущие мои родные люди!

Владимир Дубков

Продолжение следует

ВСЕ!

Я видел чудо на Земле:
В твоих глазах светилось счастье.
И что теперь мне все несчастья! -
Я видел чудо на Земле.

Я видел боль в твоих глазах.
Она меня, как нож, пронзила.
Что мне теперь вся радость мира! –
я видел боль в твоих глазах.

Как угли в остывающей золе,
В твоих глазах застыло равнодушие.
Мне больно? – говорите вы, – мне душно?
Я просто все увидел на Земле.

ПРО ВОРОТНИК

Подражание Михаилу Зощенко

Нет, если бы мне сразу сказали, что, мол, нельзя, то я бы, конечно, и не это... А то, думаю, ну что же, зима, думаю, хо-

лодно все-таки. Снег даже кое-где выпал повсеместно. Нет, думаю, надо все-таки одеться теплее.

И вот пошел. Иду и радуюсь. Снег, понимаете ли, блестит. Зима вокруг меня интересная происходит. А мне хоть бы что. В теплом-то! Хорошо!

Радости, конечно, не так уж много. В больницу все-таки иду. Но вместе с тем не хворать иду, а медицинскую комиссию только пройти. Так что сильно грустить не приходится.

И вот прихожу. Раздеваюсь, конечно. А красивая девушка из раздевалки очень так на меня внимательно и ласково смотрит.

Вот еще, думаю, глупости какие! Не без удовольствия, конечно, думаю. Я мужчина еще не очень сильно старый конечно, но все-таки, думаю, тут больница очень страховой медицины, чего же тут зря ласково смотреть-то. Тем более девушка еще совсем юная. Наверное, думаю, только закончила школу и сразу же пошла работать в народное хозяйство, чтобы своим трудом приближать светлое будущее всего человечества, которое того и гляди вот-вот наступит. Ну а пока не наступило, эта девушка сидит себе на своем рабочем месте, бескорыстно раздевает народ и в таком виде отправляет хворать в различные страховые кабинеты.

Очень, думаю, приятная девушка, и хорошо сделали, что ее тут поставили, тем более, раздеваться все равно где-то нужно, потому что на различных страховых кабинетах написано: «В верхней одежде не входить по причине невозмож-

ности просмотра внутренних органов».

Короче, я раздеваюсь. Девушка на меня ласково смотрит. А народ, который уже разделся, прогуливается возле различных страховых кабинетов непосредственно в собственных шапках, платках и с узелками под мышками. Некоторые хвораая, конечно, кряхтят, охают и за стенки руками хватаются, не понимаю того, что страховая медицина исключительно отрицательно относится к хватанию грязными руками за белые стены, так как выделяемых средств упорно не хватает не только на обезболивающие, но и на отбеливающие средства.

Впрочем, очередей в страховые кабинеты практически нет. Страховая зарплата врачей настолько убедительна, что они стараются как можно реже появляться в кабинетах, стесняясь прослыть кабинетными работниками. Поэтому очередь, конечно, в основном за стульями. Их, конечно, в обозримом коридоре всего два, а желающих сидеть, конечно, больше. Тем более, которые с больными ногами, или которым в регистратуре внезапно сказали: «Ваш страховой полис неожиданно кончился, поэтому вам следует обратиться по месту работы.»

Так что за стульями очередь напряженная. Некоторые хворые даже вообще порой обижаются и смело требуют поставить не два, а, скажем, целых пять стульев. Но это они, конечно, от несознательности своей говорят. Их больная психика непременно хочет хворать на стульях, не понимая того, что они похворают и уйдут, а стулья останутся. А страховым

техничкам после этого еще коридоры нужно мыть. И если, к примеру, там еще пять стульев сплошняком стоят, то упаси бог мыть такой загроможденный мебелью коридор и всего-то за несколько минимальных окладов!

Но я этого, конечно, ничего не замечаю, а только продолжаю спокойно раздеваться. А красивая девушка из раздевалки, конечно, продолжает ласково смотреть на меня. И даже номерок уже приготовила. Вот, дескать, этот ваш будет, не сомневайтесь ни в чем. А сама нежно так улыбается и, конечно, мой будущий номерок в своих прелестных пальчиках греет.

Ну я, конечно, совсем засмушался. Вот еще, думаю, какие приятные глупости могут происходить в современной больнице страховой медицины с несильно молодым человеком! А сам, конечно, подаю девушке пальто, шапку и шарф вместе с перчатками.

Девушка мне, конечно, с большой приятностью улыбается и говорит, что шапку, шарф и перчатки мне, конечно, нужно взять с собой, потому что в раздевалку они, конечно, не принимаются в целях дальнейшего их сохранения для службы владельцу. Пальто ваше, говорит девушка, я, конечно, возьму, если вы отпорите этот замечательный мех неизвестной породы с воротника, который, говорит, вам еще пригодится, хотя, говорит, судя по виду, вряд ли.

Я, конечно, сильно смущаюсь на эти слова и говорю: что вы, говорю, позвольте, примите все как есть, тем более, го-

ворю, мне все равно в кабинеты без верхней одежды заходить полагается!

А девушка говорит, что это, конечно, невозможно, поскольку у нас, говорит, так не принято, чтобы в страховую раздевалку разные отдельные вещи принимать. У нас, говорит, на одного раздеваемого только один номерок и на него мы завсегда, говорит, вешаем только одну раздеваемую вещь без всяких мелких принадлежностей, которые, говорит, исключительно легко теряются и вообще внезапно пропадают! И если, говорит, вы пришли в поликлинику, то можете свободно похворать в коридоре и шапкой, шарфом и перчатками, а меховой воротник лучше всего, говорит, завязать в чистую тряпочку, чтобы не возбуждать нездоровых вопросов о его цене и мех зря не портить!

Я, конечно, сильно смутился на эти ее слова и даже, помню, что-то выронил из рук, но, говорю, большое спасибо, конечно, за заботу о страховом больном, только, говорю, эти раздеваемые вещи не такие уж дорогие, шестнадцатый сезон ношу, а что касается воротника, то его, говорю, нет никакой возможности отпороть, потому что он несколько поизносился на трех пальцах и если убрать нитки, то он, может быть, совсем рассыплется от чистосердечной службы.

Девушка на это, конечно, ласково улыбается и говорит, что нам без разницы, какие у кого возможности в смысле приобретения носильных вещей, и вообще, говорит, мое страховое терпение окончательно лопнуло и я отдаю ваш

теплый номерок вон тому молодому дистрибьютору, который, как истинный дилер, аккуратно сложил в портфель перчатки, шарф, шапку, отстегнул капюшон и заканчивает состригать долларовые пуговицы со своей очень кожаной куртки. А ты, старый хрыч, забирай свое трухлявое ретро, дуй в комиссионку, обменяй все это на белые тапочки и катись по льготному тарифу за Моторный завод!

Короче, не прошел я в тот раз медицинскую комиссию. Исключительно из-за невозможности отпороть воротничок!

Подражал Владимир Дубков

ТЕПЕРЬ СВЕЧА

Промчались годы на Земле,
Века промчались.
Костры горели на Земле -
Свеча осталась.

Костров тех буйство не вернуть,
Да и не надо.
свечу бы только не задуть
Недобрым взглядом.

Пусть отразится теплый свет
В глазах ребенка,

Чтобы не рвался жизни след,
Где тонко.

ПРИСНИЛОСЬ

Вдруг – неожиданный успех.
Как выигрыш по лотерее.
Как будто на глазах у всех
Помилован. И сташен с реи.

Корабль дальше поплывет,
И рыб кормить собой не надо.
Для тех, кто все еще живет,
И драить палубу – награда.

Плывем среди радиопомех,
Над нами вечных чаек стоны.
А тут – негаданный успех,
И надо выйти на поклоны.

Вот выхожу я в зала мглу,
Со света щурюсь, недотрога.
А кланяться вот не могу -
Позвольте, просто постою немного...

И ХОЧЕТСЯ, И КОЛЕТСЯ

*Рассыпал август яблоки в садах
И на заре слышны напевы кочета.
Но сколько бы ни жил я в городах,
А в свое село мне возвратиться хочется.*

*Мне сельский труд давно уже знаком,
И мне мила песнь соловья и кочета.
Как в детстве, пью парное молоко,
И в город уезжать совсем не хочется.*

С. Тафинцев

Знакомый кочет пел нескладно:
– Ты, Сеня, лучше не дури.
Жить в городе в сто раз накладней.
И нет зари, лишь фонари!

Он – кочет – говорит, что хочет,
А тут проблема посложней:
Любовь к земле во мне клокочет,
Но манит город все сильней.

Я между городом и полем,
Как кочет между двух курей:
Когда нет в городе раздолья,
Бегу в деревню поскорей.

Поспеют яблоки в садах -
Я тут: вкушаю сколько хочется!
А там у них, ну, в городах -
Все с рынка – хочется, да колется!

Мне сельский труд давно знаком,
Особливо которым не замаешься.
К доярке подойдешь с ведром -
И досыта парным наупиваешься!

Но если чего в городе дают -
В село тащиться мне не хочется.
Пусть соловьи хоть день и ночь поют,
Пусть захлебнутся песней кочеты!

Три раза кочет пропоет
/Ах! Как он ясно пел у Гоголя!/,
Рассвет в пути меня найдет
К селу, наверно, или к городу.

И – чтобы с жизнью примириться,
Чтобы себя уважать,
Решил я в город возвратиться,
Но из села не уезжать!

Я – ТОЖЕ!

Ужасно хочется смеяться
Легко, залиvistо, до слез,
Когда б не дикость ситуации:
Ведь все всерьез.

Всерьез планета погибает:
Все больше дыма, меньше рос.
Всерьез любимая страдает.
И я пишу стихи всерьез.

Да, все всерьез. Но вот же рядом
Живет веселый гражданин.
Своим живым, игривым взглядом
Он намекает: я – один.

Один... К чему ж мильон терзаний?
И населенья эпатаж?
Довольно! Я разоружаюсь.
мой бедный Гамлет, жемчуг – ваш!

А я – со всеми улыбаюсь!
Я тоже весел. Тоже рад.
И мы летим. Пусть ошибаясь.
Пусть это глупо. Вместе. В ад.

ВО СНАХ

Э-э-э! Да все это враки,
Что в снах отдыхают клетки,
Что мозг тормозится, чтоб утром
Работать с упругою силой.
Просто во снах живем мы
Другою – нормальной жизнью,
Какою не успеваем
Жить наяву и днем.

Во снах никогда не лжем мы,
Не строим хорошие мины,
а чаще бываем наивны
И даже нелепы.
А утром,
Свои одевая хламиды,
Смеемся над наважденьем
И думаем умно: «Хм!
Ну и дурацкий
Приснился сегодня сон!»

Во снах мы не терпим склоки,
А просто по крышам ходим,
И если мы падаем в пропасть,

То это не крах а паренье
Победа над вязким грузом,
Который нам путает крылья,
Желая, чтоб мы не летали.

Мы храбры бываем и смелы,
И самые дерзкие планы
Находят свое воплощенье
Без разума – цензора злого.

Чисты и наивны по-детски,
Любимых своих обнимаем
Без черствости всяких расчетов,
Без примесей всех анекдотов,
И глупо смеемся, лепечем,
И лица у нас так беспечны,
... И скорбно сжимаются лица,
Когда нас разбудят...

УДАЧА

Убили лося.
Мучились. Старались.
Хрипели в беге. Матерились сгоряча.
Рвались в смертельном этом ралли
Винтовки и решения с плеча.

Убили лося. Улеглось волнение.
Остыли головы. На скулах высох пот.
Настал короткий миг прозренья
Для тех, кто после выстрелов живет.

Убили лося. Грусти нет, нет плача.
Нет и веселья. Стынет в сердце лед.
Расстреляна в упор, лежит удача.
Которая звала людей вперед.

ВЫГОДНЫЕ МЕСТА

Подражание Е. Евтушенко

Главы из романа, посвященного вопросам экологии, экономики и эволюции литературных героев, борющихся за сохранение и превращение духовной энергии.

ЭПИЛОГ

По небу полуночи ягодный уполномоченный летел...

Даже перешедши в лучистое состояние, он не переставал казнить себя виной. «Эх, здря, здря!» – вздыхал он прямо в открытый космос, с глубоким презрением глядя на здоровенную бутылку эссенции, незримыми цепями навечно прикованную между его подагрическими коленками.

– И чего вздыхат, – мысленно думала летевшая рядом то-

же лучистая Клавдя, – с кем не бывает! Я вон намедни возле Альфы-Центральной Америковеспучиху стретила. Та тоже вздыхат: ежли б, грит, не отпускала я свово Америго края Ойкумены открывать, щас, може, окружающа среда совсем махонька была б. А то ить никаких средств не хватат, чо б ее, окаянную, охранять!

ГЛАВА I

Лучистая Клавдя в своей прежней жизни была заведующей столовой в глухой таежной Выпендряевке. Бездумно ограничив свою жизненную сферу выполнением только служебных и женских обязанностей, она даже элементарной теории относительности Эйнштейна не могла осмыслить, хотя один известный поэт, приехавший как-то в Выпендряевку консультировать литобъединение общепита, немало втолковывал ей про разные относительные теории.

– Зря вы, Клавдия Илларионовна, – говорил поэт, – замкнулись в своем пошлом мещанском мирке, не замечания иных миров, иных возможностей. Разве не хотелось бы вам чего-нибудь открыть с Ньютоном, поджечь с Геростратом, а поужинать, скажем, со мной, после литкнсультаии, в двадцать один тридцать, дом приезжих, вторая дверь налево, у меня все с собой?

На ужин с поэтом Клавдя тогда, сама не зная почему, согласилась, но от поджогов и открытий решительно отмежевалась, с исконной деревенской наивностью полагая, что это

один грех и баловство. Летя сейчас в лучистом состоянии рядом с ягодным уполномоченным, Клавдя поэтому строго следила за тем, чтобы не произошло между их двумя атомами взрывоопасного короткого замыкания, от которого мгновенно рождается третий лишний атом, сразу же вбирающий в себя всю енегрию, енформацию и ембивалентность всей периодической системы элементов.

– И на фи́га мне таки умны дети, – с грубоватой циничностью думала Клавдя, – ежли им ни носы вытереть, ни по заднице нашлепать нельзя!

И, пролетая мимо созвездия Лебеда, Клавдя беззлобно улыбнулась своей демографической безграмотности.

ГЛАВА II

Между тем в Тринидаде и Тобаго выбросили свежемороженые ананасы. Ведь с тех пор как в Париже кончились мушкетеры, Елисейские поля уже больше не засеивались голубицей, и Пизанская башня совсем пришла в упадок. Правда, временами на Гульрипши еще попадался портвешок, но голос в стогу окончательно замолк, а люминьевые ложки вообще вышли из моды. Хорошо хоть места вокруг были замечательные – прямо скажем – выгодные места! Но сколько боковой сын Петра I ни засылал на Ямайку осетровых дирижаблей, Ларошфуко никак не мог из двух в общем-то простых силлогизмов – «охрана окружающей среды» и «среда – рыбный день» – вывести хоть какой-нибудь мало-мальски

приличный закон природы.

ГЛАВА III

Беззлобная Клавдина улыбка, однако, не пропала втуне, не канула в Лету. Тут же, прямо напротив созвездия Лебедя, сидел в глубокой задумчивости на корявом замшелом пне сморщенный старичок-грибничок. Выйдя на персональную (были учтены его положительные заслуги в деле художественного проткновения кайзера Вильгельма на в целом отрицательной картине) пенсию, старичок-грибничок от нечего делать выучил язык страны восходящего солнца и теперь думал исключительно по-японски, хотя и с заметным нижевыпендряевским акцентом.

– Эк куды я заретер! – с укоризной смотрел старичок на бесстыдно раскинувшееся перед ним созвездие и одновременно вспоминая промашки своей художественной молодости. – Скорько есть у рудей кароси сюжета: «Воросы Вереники», «Бризнецы», «Водорей», «Рира», «Воропас»! А я, барбес, усю жисть ребедей рисовар! Уэсь свой тарант размазар по Всеренной, куды ни заретишь – везде на креенку с ребедями натыкаешься!

И грибничок с тайной завистью посмотрел вслед беззлобной Клавдиной улыбке, с шумом пронесшейся мимо и обдавшей его чем-то неизъяснимым.

– Энергию пушат, прutowка, – ласково сокрушался старичок, – а тово не понимает, психована, чо энергия не исчезат,

а гравно, не возникает вновь, как учир верикий Авдотьев!

ГЛАВА IV

А в это время где бы вы думали мог быть геологический парень? В геологической экспедиции!

Вместе с геологическими мужчинами и аналогичными женщинами он сидел у простого геологического костра и участвовал в сложном геологическом споре.

Дело в том, что сегодня утром в одном из безнадежных шурфов геологу с плохой душой, Сигизмунду Ублюдечкину, удалось взять обнадеживающие пробы хорошего элитита, и в экспедиции разгорелся спор о том, имел ли он на это моральное право или нет.

Тон задавал Иван Иванович Исподкаблучный, который, несмотря на свою фамилию, нит разу не бывал ни у кого под каблуком, что служило вечным поводом для шуток и веселых розыгрышей.

Но нынче было не до смеха.

– Эволюция етого допрежь никада не допушала, – старательно развешивал Иван Иванович свои веские доводы на рогульки костра, – и нонешний случай токо подтверждат правило.

– При чем тут эволюция? – робко возразил геологический парень, в душе полностью разделяя неправильные взгляды Ивана Ивановича.

– Ты ишшо молод и я табе покамест фитанцию на обмен

мнениями не выдавал, – по-отечески ворчанул Исподкаблучный. – А эволюция тут при том, чо еретит может найтить токо еретический человек, который сызмальства питался од-нем мороженным мясом и у которого парно мясо душа не принимает!

– Но в чем тут логика? – нервничал геологический парень, все более попадая под обаяние чуждых доводов Исподкаблучного.

– Иван Иванович хочет сказать, – объяснила геологическому парню такая же женщина, – что ты у нас хотя и происходишь, к сожалению, из дворянского рода, но, к счастью, не разорившегося. У тебя, правда, папа профессор, зато ты природу любишь. И хотя ты учился в школе с английским уклоном, акцент у тебя с нашим, марьинорощинским, уклоном, так что тебе, как говорил великий Авдотьев, и элитит в руки! А таким, как Сигизмунд, вообще не место...

Геологический парень, смущенно улыбаясь, стал испытывать пьянящее чувство открытия, подаренного ему бескорыстными и справедливыми товарищами. А уязвленный Ублюдечкин злобно отошел от геологии и в тщетных поисках своего места в жизни. Но за первым же деревом его уже поджидала разъяренная Медведица.

ГЛАВА V

Эта Медведица со смешной кличкой «Быть или не быть» мирно шишковала в тайге с незапамятных лет. Но в по-

следнее время шишкованье сильно осложнилось тем, что ее избрали членом экологического худсовета в секцию нравственной трансплантации. Приходилось то и дело отвлекаться от медвежьей жизни, чтобы оказывать услуги членам Союза писателей. Услуги эти заключались в зверском истреблении отрицательных литературных героев, которые во множестве шлялись по безбрежным таежным просторам. Писатели направляли их в эти просторы в тех случаях, когда назревшие социально-психологические проблемы было уже невозможно решать в нормальных условиях городского культурно-спортивного комплекса. Нужны были экстремальные условия. И Медведица, слабо разбиравшаяся в амбивалентной персонификации экс-траинфернальных структур, разрешала все проблемы посредством несложной операции, именуемой членами худсовета для отвода глаз по-французски «Laroj по bachke».

Иной раз, устав от психологических перегрузок материально разрешаемых конфликтов, Медведица грубовато, по-таежному раздумывала: «И за што ентим писателям деньги плотют? Кажный норовит на нас спихнуть своо ероя, как кака-нибудь кукушка безродна. Понапущали разных людей в тайгу, а мы тут с имя разбирайся, какой уложительнай, какой порицательнай. А ну как я промашку дам? Далеко ли до греха без верхнего-то образования!»

И Медведица со стыдом вспоминала случай, когда она, занятая своим медовым полумесяцем, запустила работу в эко-

логическом худсовете и сделала «Larој по bachke» непрофессионально, не на должном уровне, за что и схлопотала разносную рецензию в литературно-критическом альманахе.

Статья называлась «Больша вода на мелком месте», и многие жгучие строки из нее Медведица запомнила на всю оставшуюся жизнь. Особенно вот эти:

«Прекрасное знание современной тайги со всеми ее горестями и радостями не позволили автору пройти мимо, замкнуться в личные, а главное, растечься мыслию по древу оставшихся кадров. В результате целый ряд образов как бы выхвачен и высвечен, в то время как и во всем остальном автору удалось достичь немалых художественных высот. Досадные разнообразно-своеобразные оплошности, которые автор допускает на каждом шагу, лишь подчеркивают его искреннее стремление как бы в едином порыве воплотить, сплотить и употребить. Тем более обидно, что в такое в общем-то выдающееся произведение прокрался ходульный образ Медведицы, которая в сцене справедливости утешения отрицательного героя несправедливо говорит про речку Виляйку: «Глубины не хватат!», тем самым как бы спонтанно намекая и обобщая. Нет, госпожа Медведица! – говорим мы. Это не нашей советской речке Виляйке и не нашему уважаемому автору «глубины не хватат», а вам, именно вам, «не хватат» элементарного знания приемов наказания отрицательных литературных героев и чувства ответственности за порученное вам дело. Мы уже не говорим о тех явных

ошибках во французском, которые вы допускаете, совершая свое пресловутое «Laroј по bachke»!».

После этой рецензии качество медвежьих услуг значительно возросло. Спрятавшись за дерево, Медведица теперь поджидала своих пациентов хладнокровно и расчетливо. А свой коронный французский прием осуществляла молча, воздерживаясь от каких бы то ни было оценочных реплик.

...Ни Сигизмунд Ублюдечкин ничего этого, конечно, не знал. Да и не мог знать, поскольку из-за неправильного воспитания он еще в третьем классе обменял «Жизнь животных» Брема на перочинный ножик, а про Брокгауза и Ефрона вообще думал, что это старое дореволюционное название Баб-эльмандебского пролива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.